

2. Русский Журнал/Вне рубрик/Сумерки просвещения
www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html.
3. Русский Журнал/Вне рубрик/Сумерки просвещения
www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_log.html.
4. Вести академии. №7. - 19.10.2005.
5. См., напр.: Бессонова О. Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. - 1994, № 3.

В. П. ЧЕРВОННЫЙ

ЦЕННОСТИ И СВОБОДЫ КАК ЯДРО ДУХОВНОСТИ

Советская высшая школа отличалась похвальным стремлением синтезировать духовные ценности, профессиональные знания и гражданские качества студенческой молодежи. Справедливо ориентируя преподавательский состав на реализацию этого синтеза, партийное руководство советской системой высшего образования исходило из тоталитарно-авторитарной парадигмы общественного развития, что не могло не оказать негативного воздействия на составляющие отмеченной интеграции. В наиболее заметной степени оно отражалось на содержании и тенденциях эволюции духовности, а также на неразрывно связанных с нею гражданских характеристиках студенчества. Духовность и гражданская зрелость советского специалиста напрямую выводилась из марксистско-ленинского представления о ценностях социализма как модели социального устройства с ее важнейшим атрибутом – безраздельной властью партноменклатуры. Менталитет студента-комсомольца был официально настоян на жестко директивных установках последней, в соответствии с которыми нравственным провозглашалось то, что содействовало укреплению социализма в духе упомянутой парадигмы, к сожалению.

На наш взгляд, духовность личности, в первую очередь, предполагает концентрацию ее внимания на ценностях свободы, рассматриваемой как процесс профессиональной, гражданской и семейно-индивидуальной самореализации личности, не причиняющей злонамеренного ущерба другим, основанный на зрелых общественных условиях и неотрывный от ее морально-юридической ответственности за качество и характер данной самореализации. Советский студент-конформист обладал неким набором гуманитарных знаний, подкрепленных патриотическими чувствами, который в определенной степени свидетельствовал о наличии базиса своеобразной духовности, отождествляемой им с антибуржуазными устремлениями партии-государства. Очевидно, что отмеченный базис имел двойное дно: под пронизанной социальным лицемерием вершиной айсберга «коммунистической духовности» зачастую скрывалось многообразие истинных мотивов, ориентированных на стремление любой ценой поскорее проникнуть в супер-партию и энергично продвигаться к Столу (Ф. Искандер) материальных благ, недоступных рядовому советскому человеку. Такого рода квази-духовность, не препятствовавшая распространению в аппаратно-комсомольской среде алкогольно-наркотического поветрия, в конечном счете, способствовала формированию в

стране негативного морально-психологического климата, усугублявшего неспособность Кремля эффективно справиться с вызовами информационной революции второй половины XX века.

Происшедшие на постсоветском пространстве в последние пятнадцать лет изменения, с одной стороны, во многом сняли тот объективный фактор, питавший «двойные стандарты» духовности, который олицетворялся «орденом меченосцев» – большевиков. Но, с другой стороны, распространенные ныне в массе студенчества представления о квинтэссенции свободы как ядре духовности в значительной мере поверхностны, характеризуются ее трактовкой как многообразия вариантов практического действия по принципу едва ли не *вседозволенности*. Свобода, в лучшем случае, интерпретируется как возможность профессионального выбора, не сопряженного хотя бы с минимумом размышлений о *гражданской роли и ответственности* молодого человека. Дефицит этих размышлений, возможно, отчасти объясняется имеющим место в нашей стране свертыванием политического рынка, грозящим новым изданием «демократического централизма». Тем самым, воспроизводится общественная ситуация, в рамках которой новое поколение россиян остается на ступени *предгражданского*, если не догражданского, состояния. Последнее тревожно тем, что глубокое, поистине духовное, прочтение свободы для многих студентов является проблематичным либо неприемлемым. На переднем мировоззренческом плане у них зачастую находятся псевдоценности, пропагандирующие культ денег, бездуховность, наркопаттиивы, крайние национал-патриотические иллюзии и т.п.

Очевидная незрелость демократических институтов существенно замедляет крайне важную конвергенцию пронизанной идеалами подлинной свободы духовности, глубоких профессиональных знаний и гражданско-лидерских качеств значительной части студенчества. Но это не означает, что преподавательский корпус вузов вправе пассивно ожидать ускорения отмеченной конвергенции. Он обязан способствовать ее интенсификации, активно и творчески используя разнообразные – традиционные и инновационные – формы аудиторной и внеаудиторной работы.

В ходе преподавания философии, например, важно акцентировать не столько перипетии историко-философской «борьбы материализма и идеализма», сколько эволюцию взглядов ярких мыслителей различных эпох на проблему *сущности человека, рассматриваемую через призму свободы и смысложизненных ценностей*. Для достижения уровня абстрактности соответствующего дискурса в экономическом вузе уместно сконцентрировать внимание студентов на достаточно актуальном и сегодня вопросе о диалектике *собственности и свободы*. Будет не лишним подвести их к выводу, что в незрело демократическом обществе от степени *гражданской ответственности собственников* зависит многое в деле формирования *прочного базиса демократии*.

В этой связи большое позитивное значение в указанном вузе имеет изложение основ *экономической философии* – как в виде отдельного курса, так и через включение его важных элементов в ткань философского курса в целом.

Появляется возможность подчеркнуть, не абсолютизируя их, фундаментальные *духовные основания* отечественной философии хозяйства, а также рекомендовать студентам проследить наличие таковых в современной российской экономике. Выход на проблемы утверждения в российском бизнесе наших дней *этических* норм социальной ответственности, социального инвестирования позволит привнести в ценностный мир молодых россиян искру *гражданско-патриотического отношения к предстоящей профессиональной деятельности*. Такого рода профилизацию преподавания философии, насыщенную показом духовно-нравственного измерения деятельности специалиста XXI века, следует продолжить в рамках вузовского семинара аспирантов, готовящих экзамен кандидатского минимума. Тем более, что ныне работа данного семинара во многом сориентирована на выявлении философских, духовно-нравственных критериев развития частных наук.

Определенную роль в воспитании отмеченной идеалами свободы духовности студентов играет дискуссионный клуб УрГЭУ. В его «рядах» состоит относительно небольшое число студентов, но ежегодно происходит «ротация кадров», благодаря которой в работе клуба создан важный прецедент: в ней задействован выпускник родного вуза, к мнению которого младшекурсники прислушиваются с особенным вниманием. В ходе свободных дискуссий, ограниченных лишь рамками статей Конституции РФ, студенты различных факультетов имеют возможность не только обмениваться полезной профессиональной информацией, оттачивать полемическое мастерство, но и наращивать крупницы гражданского опыта, позитивно укрепляющего матрицу процесса их перспективной самореализации.

Н. Н. УЛЬЯШИНА

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА

Творчество есть человеческая ценность, имеющая глубокий личностный (субъективный) и общественный смысл. На протяжении тысячелетий деятельность человечества была неразрывно связана с творческим актом материальных, духовных и социально-политических ценностей.

Начиная с античной философии, творчество считалось стремлением человека к достижению высшего (идеального) через сознательное созерцание мира. Средневековая философия акцентировала акт творческой воли. Утверждение христианства пронизывало все сферы общества и сознания, а Бог представлялся в сознании Личностью, свободно творящий мир. Поэтому творчество людей означало их стремление к Богу через акт созидания, творения нового на Земле. В этом и есть оправдание и смысл человеческой жизни [2].

В XVIII веке И. Кант приходит к выводу, что творческая деятельность есть синтез сознательной и бессознательной деятельности. Для Шеллинга высшей формой деятельности является творчество художника. Анри Бергсон полагал, что творчество – сущность жизни [6]. Позже роль бессознательного творчества была затронута в работах Ч. Ломброзо [5] и З. Фрейда [7].

В начале XX века творчество понималось как прорыв природной необходимости и разумной целесообразности, отрицание рационального, выход за пределы природного, связь с потусторонним миром. Н. А. Бердяев считал,